

стоянія, въ которое оно быстро впадаетъ благодаря ложному ученію нашего времени, только для этого я и говорю то, что говорю“.

Л. Н. Толстой энергически и вполнѣ справедливо возстаетъ противъ стремленія провести подъ флагомъ науки теоріи ничего общаго съ нею неимѣющія.

„Намъ кажется, говоритъ онъ, что если мы приложимъ къ греческому слову слово *логія* и назовемъ это наукой, то будетъ наука“.

Если, возставая противъ этихъ мнимыхъ наукъ, онъ нападаетъ иногда и на настоящія, причина этого главнымъ образомъ та, что для громаднаго большинства образованныхъ людей модныя научныя гипотезы совершенно заслонили собою научныя гипотезы. Къ сожалѣнію, и графъ Толстой не всегда достаточно различаетъ науку отъ научныхъ системъ и гипотезъ.

То онъ говоритъ о позитивизмѣ, какъ будто это дѣйствительно послѣднее слово положительныхъ наукъ, то сравниваетъ его господство съ господствомъ гегеліанства въ сороковыхъ годахъ. Сравненіе это совершенно вѣрно, такъ же, какъ и критика позитивизма, но это ничего не говоритъ противъ положительныхъ наукъ вообще, даже въ современномъ ихъ состояніи. Такъ же, какъ во время самаго полного господства гегеліанства для людей знакомыхъ съ исторіей философіи, кромѣ нѣсколькихъ ближайшихъ послѣдователей Гегеля, система